

СОБАЧЬЯ упряжка несколько часов мчалась по тундре, как вдруг он резко затормозил нарту, показав остолом в сторону оранжево пылающего закатного неба.

— Смотри, там олени. Большое стадо оленей.

Лицо его, спокойное и задумчивое, стало возбужденным, раскрасневшимся.

Я увидел у самой линии горизонта белое облако, которое расширилось и, будто ветер, несло к нам. Я услышал стук копыт, шорох снега и глухой, частый дыхание. Тундра вмиг наполнилась кипением жизни. Олений табун быстро промчался мимо. Наступила тишина. Олеттын посмотрел на меня:

— О людях тундры надо писать громко. Так громко, как кричит олень осенью, как скрипят полозья нарту в морозный день...

Он крикнул, собачья упряжка рванула, в лицо нам ударил ветер.

1. Северная была

— **ВЫ** пили чай в Ачайвае? Старый эвен глядел на меня хитрыми прищуренными глазами.

— О-о-о! Тогда тебе нужно много-много пить чай с нами, все узнаешь...

Мудрый человек Семен. Скажет что-нибудь вроде совсем простое, а потом, глядишь, — со смыслом были сказаны слова.

Во время поездки по зимней тундре я часто вспоминал слова старого эвена, но только к концу поездки понял их настоящий смысл. На попробовав 40 или 50 градусов мороза, не испытав пургу и ветер, не поездив с жителями тундры под северным небом, человек не поймет и

сто. Полуслепые глаза. Когда я зашел к нему в дом, Семен сидел поджав ноги — старая привычка жителей тундры — и курил. Женщина хлопотала у печки.

— Сколько же вам лет? — спросил я Семена.

Он повернул ко мне лицо, засмеялся:

— Может, девяносто, а может, сто. Сам не знаю.

— Ну, а село как возникло, помните?

— Семен все помнит. Как сейчас, помнит. Сам место определял.

Он набил в трубку табак, не спеша закурил. На столе появились дымящиеся куски оленины. Хозяйка разлила по кружкам чай.

— Некоторые говорили: возле моря село строить. Я сказал: зачем возле моря, зачем так далеко? Как из тундры ездить будем? Здесь хорошо. Ветра нет. Рыба есть. Оленям хорошо. Значит, и людям хорошо... Семен все помнит...

Он помнит рассказы отца, а тому рассказывал дед, что издревле люди их рода ночевали по тундре, держались речей. По одну сторону реки жили в юртах эвены, по другую — чукчи. Северные народы были достаточно жизнестойки. Они быстро приспособились к суровым условиям жизни на севере, создали теплую меховую одежду, свой фольклор, сказки, легенды, танцы и песни, ярние, как северные созвездия, звучные, как крик оленя. Но представленные самим себе, люди не имели хороших средств труда, не знали гигиены, плохо питались, болели. В суровые зимы в стойбища эвенов, чукчей приходил голод.

По утрам отец Семена становил-

меняется быт, меняется психология человека в тундре.

— **СЕЛО** новое построили, хороший дом? Видел? Раньше в землянках жили. Темно, холодно. Хочешь, землянки покажу? — спрашивает Семен.

Он надевает кухлянку, широкий красочный пояс с ножом, и мы идем по улице села.

Широкие ровные улицы. Просторные трехквартирные дома. В морозном воздухе улавливается запах смолы и свежей краски.

Яркое солнце купается в морозном дыму над сопками. Прозрачные, сидят на деревьях вороны. Слышен гул моторов — в село летят самолеты. Все материалы для строительства села доставлены в тундру самолетами.

Землянки, в которых жили чукчи, эвены, занесены снегом. Тропинки нет — к ним навсегда потеряна дорога. Пробираемся по снежной целине. Открываем тугую, перекосившуюся дверь. В маленькой землянке холодно, сыро, темно. Даже солнечные лучи не проникают через узкое окошко. Прогнивший пол, щели в стенах. Ветер качает закопченную деревянную фигуру божка в углу.

— Это «тайныкыт» — идол, которому поклонялись чукчи, — рассказывает Семен. — Его держали в каждом доме как хранителя семейного очага. Теперь разве только у стариков встретишь.

Выходим на улицу. В глаза бьет яркий солнечный свет. Старое и но-

Михаил Жилин

цену северного чая, а значит, не поймет и жизни северян.

ОТКУДА начинается север? Вот уже третий час самолет дрожит над заснеженной землей, а внизу все те же безмолвные гряды сопок. Ребристые, с зазубренными спинами, они, словно звери, вытянулись к воде, и не в силах оторваться, застыли.

Самолет летит по границе земли и океана, аккуратно повторяя изогнутую линию берега. С самолета видны гладкие белые головы сопок, черные каменные скалы в океане, длинные темно-серые излучины рек.

Белая, безмолвная страна безмолвных хребтов, долин и сопок. За два часа полета — ни единого жилища. Единственный движущийся предмет в этом бескрайнем снежном пространстве — темная, бегущая по белым сопкам тень нашего самолета. Даже рокот моторов кажется чужеродным в этом краю холода и безмолвия.

Над горизонтом низко висит солнце, и сопки откидывают длинные тени. И это чередование белой, солнечной и темной, холодной сторон создает резкие контрасты, подчеркивает суровость зимней тундры.

Дрожит в ушах рокот самолета над белой пустыней тундры.

Но вот под крылом мелькнули на белой поляне в лесу синие, оранжевые домики. Самолет пошел на посадку.

Стоим на земле. Тишина. Сорокаградусный мороз сжимает тело, запускает иглы в пальцы рук и ног.

— Авто! — самолет встречают жители села. В меховой одежде — кухлянках из оленьих шкур, расширенных бисером торбасах, пышных махавках, ярких рукавицах с оранжевыми кисточками, широкими поясами с ножами в кожаных ножнах. Яркий и пестрый наряд жителей тундры.

Красный шар солнца садится за далекие синие сопки. Дрожит от мороза багряное на закате небо. Сиреневый дым разливается по долине. В село бегут из леса упряжки собачек со связками хвороста на нартах.

Вечер. В домах вспыхнули электрические огни. Холодным зеленым светом мерцают звезды. В ярких сполохах ночное небо.

АЧАЙВАЯМ — это название села и речки, что находится в самом сердце камчатской тундры. Дальше на север простирается Чукотка, на востоке — Тихий океан. Село стоит у слияния рек Ачайваем и Апука, в долине, защищенной сопками. Несколько десятков синих, оранжевых домиков. Лес. Высокие тополя с кривыми, распластанными руками-ветвями. Стаи черных ворон на деревьях. Длинными белыми столбами подпирает небо дым из труб домов. Собачьи упряжки, утопая в снегу, бегут по улице.

Ачайваем — село, в котором живут чукчи, коряки, эвены, ительмены. Я пытался выяснить, что значит Ачайваем в переводе с чукотского. Одни говорили: это мутная река. Все лето в сопках и хребтах тает снег, и вода в речке мутная от ила. Другие утверждали: это красивая река. Даже выдавшие виды, поездившие по миру люди горжались красотой реки, зелеными зарослями недрача, багряными гнатами, снежными сопками, многообразием тундровых красок. Третьи объяснили: «Ва-ям» — это река, а насчет первой половины названия высказали противоположную догадку: наверное, ехали охотники в тундру, остановились на речке переночевать. «А чай?» — вот что, потерял кто-то. Хватил — нет чая, потерял. С тех пор и назвали: Ачайваем — река, на которой потеряли чай. В этих местах многие речки получили названия подобным образом. Без чая здесь нельзя: он и согревает, и располагает к беседе, и придает силы.

Я спросил у жителей: кто может из старожил рассказать историю села. Они подумали: «Однако, Семен. Он самый старый в селе».

Эвен Семен действительно был стар. Землистое-темное широкое

лицо. Полуслепые глаза. Когда я зашел к нему в дом, Семен сидел поджав ноги — старая привычка жителей тундры — и курил. Женщина хлопотала у печки.

— Сколько же вам лет? — спросил я Семена.

Он повернул ко мне лицо, засмеялся:

— Может, девяносто, а может, сто. Сам не знаю.

— Ну, а село как возникло, помните?

— Семен все помнит. Как сейчас, помнит. Сам место определял.

Он набил в трубку табак, не спеша закурил. На столе появились дымящиеся куски оленины. Хозяйка разлила по кружкам чай.

— Некоторые говорили: возле моря село строить. Я сказал: зачем возле моря, зачем так далеко? Как из тундры ездить будем? Здесь хорошо. Ветра нет. Рыба есть. Оленям хорошо. Значит, и людям хорошо... Семен все помнит...

Он помнит рассказы отца, а тому рассказывал дед, что издревле люди их рода ночевали по тундре, держались речей. По одну сторону реки жили в юртах эвены, по другую — чукчи. Северные народы были достаточно жизнестойки. Они быстро приспособились к суровым условиям жизни на севере, создали теплую меховую одежду, свой фольклор, сказки, легенды, танцы и песни, ярние, как северные созвездия, звучные, как крик оленя. Но представленные самим себе, люди не имели хороших средств труда, не знали гигиены, плохо питались, болели. В суровые зимы в стойбища эвенов, чукчей приходил голод.

По утрам отец Семена становил-

ся в угол перед иконой, а Семен, забросив за плечи винтовку, уходил на охоту. Но в последние дни бог перестал внимать мольбам отца. Капканы были пусты, соболь и лисица куда-то исчезли. Семен возвращался с охоты злым и усталым. Оленей эвены не имели, перебивались охотой да заготовленной летом рыбой. У «рыбодов» — так чукчи называли эвенов — наступил голод. Отец заболел и умер. А вскоре странная болезнь стала косить всех подряд. Из дома в дом ходил с бубном шаман, выгонял «злой дух». Крутился в дикой пляске, тремел бубном, заклинал. А смерть по-прежнему уносила людей. Каждый день эвены хоронили своих близких. Каждый день чукчи сжигали на Шаман-горе умерших. Бросили люди злое место и перекочевали на новые стойбища...

— А потом русские пришли, — говорит Семен. — Хороший люди. Олешек у богатых взяли. Большой общий стадо получилось. Русская женщина олешек лечила. Однако, хорошая была. На летовку ходила. Вкусные котлеты готовила. Семен все помнит...

Я слушаю и думаю о тех людях, которые первыми пришли в эти далекие глухие места.

Они принесли в тундру культуру, возродили к жизни северные народности, оставили в сердце чукчей, коряков, эвенов память о себе. Однажды во время разговора кто-то спросил у чукчи: кто самый уважаемый человек? Он ответил: «Однако, наш директор совхоза». Уважение человека измеряют здесь делами, отношением к людям. Русские научили жителей тундры плотничеству, мастерству, умению обращаться с машинами.

Юрты, землянки, первые рубленые дома — так возникало село. Эвен Семен Андреевич Семенов стал одним из первых председателей сельсовета. Тяжело было приучать людей, разбросанных в тундре по юртам, к коллективной жизни. Было в ачайваемской тундре два богача — Атувье и Коттиргин. Сманивали они к себе на работу людей, не хотели переселяться в село. Наконец, Атувье уговорили. Другое было с Коттиргиним. Приехали однажды представители сельсовета, а Коттиргин даже к юрте не подпустил. Осканил зубы, вытащил нож: «Не буду переселяться...».

— Хорошо, — ответил представитель. — Но если хоть раз будешь использовать совхозных рабочих, под суд пойдешь...

Коттиргин обещал подумать. Лишь через несколько лет бросил он кочевой образ жизни...

Когда мы говорим об изменениях в жизни чукчей, коряков, эвенов, мы не всегда учитываем, что пятьдесят лет назад эти народности были на уровне первобытного строя. Без помощи государства о развитии северных народностей не могло быть и речи. Начинать приходилось фактически от нуля. Ликвидировать безграмотность, лечить больных, создавать новый быт, новую культуру. Шагнуть от первобытного уклада жизни в космический век за 50 лет было не просто. В новых домах жители по привычке ложились спать на шкурах, где рядом лежали собаки. Шли не к доктору, а к шаману. Не пускали детей в школу. Теперь это все в прошлом.

Мне рассказали об одном любопытном случае. Сельский врач Ирина Франк с комиссией проверяла санитарное состояние в домах. Зашли в квартиру Марии Каля. В комнатах было грязно, по полу разбросаны оленьи шкуры, рядом лежала собака. «Сделаем в графике отметку черным карандашом, — сказал врач. — И на женское собрание вызовем».

Мария потупилась:

— Не пойду на собрание. Ругать будут.

— Вот зайду завтра, чтоб порядок был.

— Заходим назавтра, — рассказывает врач, — в комнате чистота, муж ештыр вешает. Мария улыбаясь. «Доктор, обещаю, всегда будет порядок...».

вое село, как два мира. Одно — ушедшее в прошлое, где доживает последние дни покинутый божок — «тайныкыт». Другое — крепкое, здоровое, набирающее новые силы.

Ачайваем — центральная усадьба крупнейшего в области Пахачинского совхоза. Благополучие чукчей, коряков, эвенов крепко связано нынче с совхозом, с его доходами. 16 тысяч оленей пасутся на просторах тундры. Совхоз ежегодно получает по сто тысяч рублей дохода. Директор совхоза т. Вельгоша рассказывает: проблемы совхоза — это проблемы дальнейшего развития оленеводства, повышения уровня жизни людей, улучшения быта оленеводов и табунах.

Больница. Детский сад. Школа. Библиотека в 7,5 тысячи томов книг. Магазин. Клуб.

За пятьдесят лет в жизни чукчей, коряков, эвенов сделано столько, сколько не сделано за века.

СПРАШИВАЮ у жителей села: слышали ли они что-нибудь об «олениных людях» по ту сторону Берингова пролива, об эскимосском племени Канады?

— Однако, в книжках читали, — говорили жители. — Умирает народ. Жалко очень...

Речь идет об ихамютах, родственном племени чукчей. Совсем недавно в тундре Барренс жили сильные и здоровые люди — отважные охотники на оленей. Они почти полностью вымерли. Как ни парадоксально это звучит для двадцатого века, но это так. Когда на рынке высоко поднялись цены на песца, промышленники сманили ихамютов на пушные промыслы. Но вот пушная лихорадка прекратилась. И целый народ был брошен на произвол судьбы. Секреты охоты на диких оленей были потеряны, а помощи ни от кого они не получили. Пророческими оказались слова Руала Амундсена: «Мое лучшее пожелание нашим друзьям-эскимосам... чтобы «цивилизация» никогда не коснулась их».

В канадской тундре можно видеть сейчас заброшенные стойбища, могильные плиты — немой упрек правительству этой страны. По признанию одного из министров Канады, «жизненный уровень эскимосов ниже того, что считается нищетой в любом месте». Обо всем этом рассказал Фарли Моуэт в своих книгах «Отчаявшийся народ» и «Люди оленьего края».

Когда говоришь об этом молодым, они не верят, что так может быть. Старики подтверждают: такая судьба ждала и наши северные народности, не будь Советской власти.

УТРО в селе. Легкие, дымчатые облака, подкрашенные солнцем, висят над сопками.

Стоим со старым эвеном, смотрим на утреннее село. Возле крайних домиков, на белой равнине тундры, чернеет единственная юрта.

— Надо бы оставить ее для памяти. Пусть видят дети, внуки, как жили их предки. У молодежи нынче счастливая судьба. Внучка моя Галя вон в той школе училась, — он показывает на новое красивое здание. — Шибко грамотная стала. Ученой будет. Сейчас в селе все есть для жизни. В магазине товар есть, сахар есть, мясо и молоко, чай. Помирай не хочу, — он тычет себя пальцем в грудь. — Жить хочу.

Возле дома сел вертолет, и дети сбежались к аэродрому.

— Железный олень прилетел!

Стоят, как любопытные олени, тараща глаза, галдят, шепчутся: «Похож на оленя. Рог только железные и быстрее прыгает».

Мчатся по улицам собачьи упряжки — эти безотказные северные трамваи. Матери-чукчанки везут в детсад на саночках детей в теплой меховой одежде. С портфелями за плечами идут в школу дети.

На лесной поляне, в тундре, проснулись домики. Из труб домов поднимается в небо белый дым.

Из какой это сказки?

Но это не сказка. Это была настоящая жизнь.

Вы пили чай в Ачайвае?